

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА

ЭТНОГРАФИЯ ИСЛАМА НА КАВКАЗЕ

ЭО, 2006 г., № 2

© В.О. Бобровников

ЭТНОГРАФИЯ ИСЛАМА НА КАВКАЗЕ

Специальная тема этого номера связывает шесть довольно разных статей, написанных этнологами, востоковедами и политологами из России, Японии, Англии и Франции. Как понимать указанную выше тему? Конечно, не как возврат к позитивизму и "портянковедению" поздней советской школы, но и не как новый поворот научной мысли. Читатель не найдет здесь ни туманных рассуждений о "настоящем исламе" или месте Кавказа в "исламской цивилизации", ни практических инструкций к действию, показывающих, как следует изучать ислам в кавказских условиях. Скорее, наша публикация представляет не окончательный ответ, а вопрос, приглашение к дискуссии. Обращаясь к опыту своей полевой работы на Кавказе, авторы статей пытаются понять, что и как можно увидеть в исламе при помощи этнографии. Перед читателем шесть очень разных попыток, отражающих разные академические традиции и дисциплины, к которым принадлежат наши авторы.

О Кавказе и исламе в последнее время много и, как правило, плохо пишут – в основном журналисты и политологи. Кроме них есть три-четыре недавние хорошие исламоведческие работы, например, капитальный труд А.К. Аликберова "Эпоха классического ислама на Кавказе" (Аликберов 2003), ряд статей про исламские центры, суфизм и культы святых из словаря С.М. Прозорова (Ислам 1998–2003) и сборника "Подвижники ислама" (Кемпер 2003). Если конъюнктурные политические односторонние о вреде "исламизма" скучно читать, то исламоведам, похоже, скучно изучать современный ислам в регионе. Недаром и книга Аликберова, и большинство других недавних исламоведческих работ посвящены средневековью. Однако по-настоящему хороших этнографических работ на эту тему еще меньше. Дефицит знания об исламе и мусульманах на российском и советском Кавказе был одной из причин, заставивших редколлегию журнала "Этнографическое обозрение" обратиться к специалистам по исламу на Кавказе, в России и за рубежом с просьбой принять участие в номере. Мы очень благодарны тем из них, кто откликнулся на эту просьбу.

Что можно сказать об историографическом поле, в котором приходится работать нашим авторам? Оставляя в стороне журналистику, можно сравнить современного исследователя ислама на Кавказе с хитроумным Одиссеем, которому приходится лавировать между Харибдой исламоведения и Сциллой политологии. Первая тянет его к поиску письменных текстов о "нормативном исламе" книжников-улемов. Разделяя достоинства и недостатки ориентализма в описании Э. Саида (Saïd 2003), классическое исламоведение не доверяет живым людям, пренебрегая ими, и интересуется преимущественно книжным знанием-илм, которое они создают и передают. Вместе с тем оно приучает к осторожности в оценках, помогая понять внутреннюю логику ислама и его границы. Более легковесная политология, как правило, не утруждая се-

Владимир Олегович Бобровников – кандидат исторических наук, заведующий сектором историко-политических проблем отдела стран СНГ Института востоковедения РАН.

бя текстологией, рвется изучать отношения мусульман по поводу **власти**. Если исламоведы не могут освободиться от колониальных установок ориентализма, то политологи остаются под влиянием идеологизированных клише "холодной войны" (см. их критику: *DeWeese* 2002).

Увлечение одним из отмеченных выше подходов, как кривое зеркало, искажает общую картину, не говоря о неизбежных частных ошибках. Если исламоведы сужают сферу действия ислама на Кавказе, то политологи чрезмерно расширяют ее, находя ислам даже там, где его нет. Да и ракурс обоих направлений, по-моему, выбран неверно. Возьмем, к примеру, одни из лучших политологических работ (*Малашенко* 1998; *Кисриев* 2004). Что стоит в их центре? Политические партии и профессиональные политики. Почему же через год-два "одних уж нет, а те далеке"? Не только на Кавказе, но и в целом в России почти все многочисленные исламские движения, возникшие в конце "перестройки" начиная с Исламской партии возрождения, исчезли, да и основательно забыты. Пытавшиеся играть на исламе политики вроде братьев Хачилаевых перебиты. Конечно, нужно принимать в расчет криминализацию общества. Вместе с тем следует учитывать и то, что политика просто надоела обывателям (в том числе и мусульманам), о чем говорят хотя бы пустующие избирательные урны на выборах.

Не менее ошибаются исламоведы, видящие "настоящий" ислам лишь в сочинениях мусульманских книжников. В упрек им можно поставить преувеличение роли письменного слова на Востоке (*scripturalism*), давно развенчанное в востоковедении (см., напр.: *Colonna* 1987: 89–99). К тому же после испытания советской властью ислам потерял книжный характер. Сами исламоведы признают упадок исламской культуры в наши дни (*Прозоров* 1998: 5; *Шихсаидов* 1999: 110). Возросла роль обрядности, которая при этом изменилась. Один из "пяти столпов ислама" – *хадж* – потерял обязательность во времена "железного занавеса" в СССР. Обрезание-*суннет* стало важнее исповедания веры-*шахады*. Суфизм приобрел более практический характер (*Аликберов* 2003: 697). Но ведь от этого современные мусульмане не утратили право называться мусульманами. Вместе с тем "нормативный ислам" в России приобрел ряд особенностей. Достаточно вспомнить грандиозный проект создания мусульманского духовенства и "исламской церкви" в Российской империи и в СССР, памятником которому остаются современные муфтияты.

Признавая необходимость смены ракурса исследования, я не вижу причин отказываться от наработок, сделанных в изучении ислама на Кавказе исламоведами и политологами. Не нужно изыскивать какой-то новый, не известный еще путь изучения ислама, при том, что и **знание**, и **власть** сохраняют свое значение в общественной жизни мусульман, как и обществ всех времен и народов в целом. Тесная, хотя и не всегда очевидная, связь между знанием и властью после М. Фуко сегодня является общепризнанной. В исламе к этой идее пришли уже в XIV в., когда "мусульманский Маркс" Ибн Халдун писал о союзе "пера и меча" в управлении мусульманскими обществами. Вовлеченные во власть мусульманские улемы, судьбам которых на Кавказе посвящено большинство публикуемых ниже статей, являют тому наглядное доказательство. Силами этнологов, востоковедов и политологов с опытом полевой работы в регионе мы попытались совместить достоинства обоих разобранных выше подходов в рамках этнографического описания ислама на Кавказе.

Обращение к этнографии ислама на Кавказе означает перенос центра тяжести исследования на людей как носителей знания и власти в исламе. Иначе говоря, речь идет об изучении средствами этнологии форм исламской религиозности, складывающихся в ходе создания и передачи знания об исламе, и отношений между мусульманами и светским государством. Эта методика не исключает обращения к письменным источникам. Как показывает публикуемая ниже статья А. Зелькиной о знаменитом кадирийском шейхе Кунта-Хаджи, оригинальные тексты на восточных

языках остаются важным подспорьем в работе этнолога. Они позволяют понять "границы" исламской религиозности, не говоря о том, что многие такие тексты представляют запись проповедей и местных преданий. Из статьи К. Мацузато и М.-Р. Ибрагимова, посвященной борьбе за власть между суфийскими шейхами Дагестана, видно, что наши авторы не чужаются политики. Только искать ее следует в менее формализованных институтах и отношениях на местном уровне.

За редкими исключениями (Дагестан 1995; *Makarov* 1998) локальный уровень постсоветского исламского подъема пока ускользал от внимания ученых. Этот пробел закрывают наши авторы, спустившиеся с высот исламской теории в мир обрядовой практики, перейдя из области большой политики на уровне республик и регионов к мусульманским общинам и их лидерам. Микроисторический подход лучше показывает многообразие и мозаичность исламской религиозности на Кавказе. Сунниты-шафииты на северо-востоке региона соседствуют с ханафитами Северо-Западного Кавказа и шиитами Закавказья. Общины суфиев (араб. *вирд*) Дагестана, Чечни и Ингушетии противостоят религиозным диссидентам-ваххабитам. До недавнего времени в регионе активно работали исламские миссионеры из Ирана и арабских стран. Мусульмане – это не только мужчины, но еще женщины, дети и подростки. В религиозности молодежи, судя по материалам А.А. Ярлыкапова и Г.А. Хизриевой, тоже есть своя специфика.

Все публикуемые нами авторы смогли подняться над спором о "настоящем исламе", расколовшим сегодня эти соперничающие группировки. Никак нельзя вступать в него, поддерживая одну из сторон. В эту ловушку попадали и крупные ученые. Свидетельство тому – обилие работ политологов, разоблачающих "искажения" ваххабитами ислама (*Игнатенко* 2004; Алимь и ученые 2001). Не случайно их пик совпал с государственной кампанией против ваххабизма в 1999 г. В свою очередь, исламоведы любят обвинять современную мусульманскую элиту в невежестве. В этих упреках много справедливого. Но в них есть опасность включиться в не имеющий научной основы спор об "истинном" и "неистинном" исламе. По верному замечанию С.М. Прозорова, «все региональные формы бытования ислама равноправны, равноценны и, следовательно, нет оснований противопоставлять один "местный" ислам другому... Нет "ортодоксального" и "еретического" ислама... значит нет "полноценных" и "неполноценных", "истинных" и "неистинных" мусульман...» (*Прозоров* 1998: 5–6).

От споров об истинном и еретическом исламе один шаг до изобретения традиционного национального ислама. Вспомним, как в 80-е годы XX в. мусульмане в разных регионах Советского Союза вдруг заговорили о своих "исламах". Как в кулинарной книге, замелькали названия "ислам по-казахски", "ислам по-татарски", "ислам по-дагестански", "ислам по-горски" и т.д. Политики и военные охотно ухватились за эту идею, пытаясь противопоставить "свой", "традиционный" ислам "чужому". Отголоски этих споров можно обнаружить в деятельности российских юристов, в результате которых в 1997 г. появилась новая версия федерального закона о свободе совести, где ислам получил привилегированный статус второй после православия традиционной конфессии (*Бобровников* 2005: 238–252). Эти сюжеты разбирают Б. Балджи, К. Мацузато и М.-Р. Ибрагимов: первый – на примере Азербайджана, где власти попытались построить на шиизме здание светского национального государства, второй и третий изучают роль межнациональных противостояний в создании исламских иерархий Дагестана.

Важным выводом публикуемых здесь статей стал отказ от принятого в востоковедении взгляда на "арабский Восток" как на критерий истины при оценке реалий российского ислама (*Прозоров* 1998: 4). Собранные данные говорят, что в XIX–XX вв. пути российских и зарубежных мусульман надолго разошлись. Оторванность советских мусульман и разрыв их связей с единоверцами из-за рубежа помогли созданию

разных местных типов исламской религиозности. Особенно сильно различаются сегодня исламское образование и мусульманское право, действующие на Кавказе и в разных регионах мусульманского зарубежья. К местной специфике относятся исламские вузы, представляющие собой помесь медресе с советской школой. К такому выводу подводят нас Б. Балджи на примере Азербайджана и занимающийся суфизмом в Дагестане Ш.Ш. Шихалиев. Изучая "народный ислам" на Северо-Западном Кавказе, А.А. Ярлыкапов показывает, насколько далеко он отошел от норм традиционно распространенной здесь ханафитской школы мусульманского права.

Другой важный вывод авторов публикуемых статей касается признания значимости советского наследия для мусульман бывшего Союза. Несмотря на успехи глобализации последних десятилетий, они еще долго не смогут избавиться от него. Разобранный Балджи азербайджанский вариант развития событий показывает, что освобождение из-под власти России не гарантирует возвращения в лоно религии предков и зарубежных собратьев по вере. Даже азербайджанцы-шииты Ирана и Азербайджана, связанные общим происхождением, языком и религиозными традициями, не могут найти общего языка. Иранские азербайджанцы видят в своих единоверцах по ту сторону границы потерянных для ислама "совков", а последние, в свою очередь, не признают исламских обычаев и шиитских авторитетов (араб. *марджа' ат-таклид*) из Ирана. Основные понятия и практики шиизма в двух этих странах имеют немало различий. Усилившееся после распада СССР иранское влияние, как это ни парадоксально, помогло лишь созданию отдельной шиитской идентичности независимого Азербайджана.

В статьях Ярлыкапова и Балджи поднята проблема модернизации религиозности исламской молодежи. Ярким примером ее служит приведенный последним рассказ о том, как в общине вернувшегося из Ирана Хаджи-Ильгара традиционные процессии бичующих себя (*шахсей-вахсей*) на ашуру заменяются донорством. Такое переосмысление обряда ученый связывает с зарубежным влиянием. Я бы добавил к этому и наследие советской секуляризации. Похожее обоснование обрядов ислама ссылками на пользу для здоровья и требования науки можно обнаружить у суннитов Северного Кавказа. К нему охотно прибегают ваххабиты и их противники. Так, популярная брошюра, выпущенная дагестанским муфтием, говорит о пользе для здоровья пятикратной молитвы и поста (Божественные чудеса 2001: 56–72). О пользе регулярного намаза для здоровья пишет и идеолог ваххабитов Б. Магомедов (*Багауддин* 1460/1998: 11–12). По своему стилю эта литература удивительно похожа на советскую атеистическую продукцию, также неуклюже пытавшуюся опереться на выводы современного естествознания.

Большой интерес представляют использованные нашими авторами первоисточники. Это порой уникальные сведения, полученные путем включенного наблюдения, бесед и интервью. Некоторые работы поражают широтой своего географического охвата, например, исследование Балджи, основанное на полевых материалах, собранных не только в Азербайджане, но также среди азербайджанцев Грузии, Турции и Ирана. Статьи Ш.Ш. Шихалиева и А. Зелькиной представляют попытку "раскрутить" один интересный источник, по возможности полно представив читателю его оригинальный текст. В первом случае это опубликованное полностью интервью с одним из ведущих накшбандийских шейхов Дагестана. На его основе, широко привлекая полевые наблюдения и сведения арабских сочинений суфиев прошлого, автор рисует увлекательный словесный портрет суфия на фоне современного исламского бума. Не менее любопытна попытка Хизриевой проследить передачу знания и власти в вирде путем сравнения данных интервью, обрядов и эпитафий кадирийских некрополей Ингушетии.

Наряду с нарративными источниками в большинстве публикуемых статей широко используется статистика. Это цифры, говорящие о стремительном росте исламских

институтов и числа совершающих религиозные обряды верующих в период так называемого исламского возрождения 90-х годов XX в. Они, действительно, поражают воображение. Только в Дагестане число мечетей с 1985 по 2003 г. выросло с 27 до 1679. При них открыто 324 начальных мектеба, 141 медресе и 16 исламских вузов с 52 филиалами (КДР 2003). Здесь сразу возникает ряд вопросов. Насколько верны эти данные? Кто, зачем и как считал мечети и верующих при отсутствии официальной статистики? Почему количество никак не переходит в качество, не мешая общему падению культуры и стабильности в регионе? Пока никто не дал на них вразумительных ответов. Одними из первых над смыслом современной религиозной статистики задумались авторы публикуемых ниже статей. Общий вывод их неутешителен. Эти цифры напоминают "Потемкинские деревни", а исламское духовное возрождение региона, похоже, так и не состоялось.

В заключение я кратко представлю авторов и содержание статей этого номера. Подборку статей по исламу на Кавказе открывает работа "Тарикат, этничность и политика в Дагестане" М.-Р. Ибрагимова и проф. Кимитаки Мацузато из Японии, известного специалиста по политической истории дореволюционной России и Украины. Это первый, но плодотворный опыт обращения проф. Мацузато к исламской политике на Северном Кавказе. Для того чтобы понять модель доминирования в постсоветском мусульманском обществе на уровне сельских районов и городов, авторы рассматривают четыре области противостояния между суфийскими шейхами и поддерживающими их общинами: последователей самого влиятельного в Дагестане шейха Саида-афанди Чиркейского с учениками-*мюридами* других накшбандийских и шазилийских шейхов; сторонников и противников контролируемого Саидом-афанди Духовного управления мусульман Дагестана (ДУМД); доминирующих в ДУМД аварцев с кумыкской оппозицией; мусульман Центрального Дагестана, признающих ДУМД, с мусульманской оппозицией ему на лезгиноязычном юге.

Статья "Суфийский шейх сегодня" принадлежит молодому арабисту Ш.Ш. Шихалиеву. Как уже говорилось, в основу статьи положено записанное автором интервью с накшбандийским шейхом Ильясом-хаджи Ильясовым. В лице последнего мы встречаем представителя последнего советского поколения официально признанных мусульманских книжников, получивших к тому же хорошее легальное исламское образование, и одного из глав постсоветской оппозиции проправительственному Духовному управлению мусульман Дагестана. Сравнение материалов интервью с другими полевыми материалами и сочинениями по исламской этике дагестанских суфиев XIX–XX вв. позволяет автору сделать интересные выводы о соотношении общего и особенного в ритуальной практике современного суфизма, реальной роли и конфронтации шейхов и их мюридов в исламском подъеме постсоветского Дагестана.

В статье "Учение Кунта-Хаджи в записи его мюрида" исламовед из Англии А. Зелькина изучает отдельные стороны исламской этики и организации мусульманских общин на основе обнаруженного ею уникального первоисточника – записок ближайшего мюрида первого кадирийского шейха Северного Кавказа Кунта-Хаджи, написанных по-арабски во время пребывания в русской ссылке в середине 60-х годов XIX в. Этой проблематикой А. Зелькина занимается более 15 лет. Наряду со множеством статей ею издана на английском книга об участии суфиев Северного Кавказа в мусульманском сопротивлении России (*Zelkina 2000*). Основное внимание автора обращено на историю сложных отношений между Кунта-Хаджи с современными ему накшбандийскими шейхами и мусульманскими улемами, на соединение в его учении и кадирийских обрядах общемусульманских и суфийских черт, на квиетистскую позицию основателя северокавказской ветви братства, во многом определившую дальнейшую судьбу суфизма на советском и постсоветском Центральном и Восточном Кавказе.

Статья "Вирдовые братства в Ингушетии" написана этнологом Г.А. Хизриевой, в последнее время специализирующейся в области кавказоведения. Круг ее основных научных интересов касается передачи знания и власти среди мусульман дореволюционного и советского Северного Кавказа. В последние годы она проводит полевые исследования в Ингушетии. Ею подготовлен ряд статей и монография "Вирдовые братства на российском Северо-Восточном Кавказе" (2005). На основе уникальных полевых материалов, собранных среди последователей двух ингушских течений-*вирдов* братства Кадирийя, Хизриева рассматривает особенности процесса передачи знания об исламе и суфизме в мусульманских общинах вайнахов, соотношение вирдовой и тейповой структуры в организации современного мусульманского общества вайнахов Центрального Кавказа.

Автор статьи «"Народный ислам" и мусульманская молодежь Центрального и Северо-Западного Кавказа» – кавказовед А.А. Ярлыкапов. В его работе впервые подробно рассмотрены формы меняющейся ритуальной практики ислама на постсоветском Центральном и Северо-Западном Кавказе и связанная с их пониманием конфронтация между исламской молодежью и представителями старшего поколения, носителями так называемого традиционного ислама. На основании сравнительного анализа собранного обширного полевого материала, постсоветской мусульманской прессы и публицистики автор приходит к выводу о внутренней конфликтности форм бытования ислама в регионе.

Заключительная статья "Судьбы шиизма в постсоветском Азербайджане" написана французским этнологом-кавказоведом и востоковедом доктором Б. Балджи. Он – один из пионеров изучения шиизма на постсоветском Востоке, прежде всего в Азербайджане. Работа основывается на полевых материалах, собранных автором среди азербайджанцев бывшего советского Закавказья, а также Ирана и Турции. Б. Балджи поставил перед собой задачу рассмотреть результат столкновения внешних шиитских влияний, проникающих в независимый Азербайджан из Ирана, и новой конфессиональной политики азербайджанского руководства, пытающегося приспособить умеренный имамитский шиизм для строительства новой светской азербайджанской идентичности.

Перечень авторов публикации дает представление о "географии" и дисциплинарном раскладе современной историографии ислама на Кавказе. Этой проблематикой сегодня занимаются не только на Кавказе, в Москве и Санкт-Петербурге, но и в старых академических центрах Западной Европы и Средиземноморья, представленных в нашей подборке Лондоном (А. Зелькина), Парижем и Стамбулом (Б. Балджи). Как уже говорилось, необычайную активность в России в последнее десятилетие проявляет молодой японский Центр исламоведения и русистики в Саппоро. Похоже, в ближайшем будущем он может начать освоение Кавказа. Статьи номера отражают также современное значение ислама в регионе. В них присутствуют все его мусульманские области, причем большинство работ посвящено Дагестану, Чечне и Ингушетии, являющимся эпицентром исламского подъема сегодня. Суфизм, представленный в четырех из шести статей блока, остается устойчивой формой бытования ислама на Восточном Кавказе. На западе региона он так и не получил особого распространения.

И еще несколько слов об оформлении публикации. Взглянув за ее редактирование, я столкнулся с рядом трудностей технического характера. Оказалось, например, что в науке нет общепринятого написания личных имен, понятий и названий, которые первоначально были записаны в арабской графике, а потом перекочевали в кириллицу. Проще говоря, существует несколько противоречащих друг другу способов обозначения кириллицей арабских, персидских и тюркских слов, которые многие столетия писались по-арабски. Самым разработанным из них является востоковедная традиция (представленная в нашем блоке в статьях А. Зелькиной, Ш.Ш. Шихалиева и отчасти Б. Балджи и Г.А. Хизриевой). Однако к ней есть целый

ряд претензий, главная из которых – недоступность для широкой публики. Не желая навязывать авторам непривычную манеру написания, я решил оставить имена и понятия в индивидуальной редакции, понимая, что это создаст некоторый разнобой и неудобства при чтении. В случае трудностей, связанных с прочтением терминов, редакционная коллегия журнала рекомендует пользоваться уже упоминавшимся словарем "Ислам на территории бывшей Российской империи" (Ислам 1998–2003).

Литература

- Аликберов* 2003 – *Аликберов А.К.* Эпоха классического ислама на Кавказе. М., 2003.
- Алимы и ученые* 2001 – *Алимы и ученые против ваххабизма.* Махачкала, 2001.
- Багауддин* 1460/1998 – *Багауддин М.* Намаз. М.: Бадр, 1460/1998.
- Бобровников* 2005 – *Бобровников В.О.* Обычай как юридическая фикция: "традиционный ислам" в современном дагестанском законодательстве // *Истор. зап.* Вып. 8. М., 2005. С. 238–252.
- Божественные чудеса* 2001 – *Божественные чудеса.* Наука и факты свидетельствуют "нет бога кроме Аллага и Мухаммад – Его посланник". Махачкала: Ихлас, 2001.
- Дагестан* 1995 – *Дагестан: село Хуштада / Отв. ред. Т.Ф. Сиверцева, М.Ю. Роцин, В.О. Бобровников.* М., 1995.
- Игнатенко* 2004 – *Игнатенко А.А.* Ислам и политика. М., 2004.
- Ислам 1998–2003* – *Ислам на территории бывшей Российской империи / Сост. и отв. ред. С.М. Прозоров.* Вып. 1–4. М., 1998–2003.
- КДР* 2003 – *Общие сведения о количестве религиозных объединений и организаций в Республике Дагестан на 25.11.2003 // Текущий архив Комитета по делам религий при Правительстве Республики Дагестан.* Махачкала.
- Кемпер* 2003 – *Кемпер М.* К вопросу о суфийской основе джихада в Дагестане // *Подвижники ислама. Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе / Под ред. С.Н. Абашина и В.О. Бобровникова.* М., 2003. С. 278–305.
- Кисриев* 2004 – *Кисриев Э.Ф.* Ислам и политика в Дагестане. М., 2004.
- Малашенко* 1998 – *Малашенко А.В.* Исламское возрождение в современной России. М., 1998.
- Прозоров* 1998 – *Прозоров С.М.* От издателя // *Ислам на территории бывшей Российской империи.* Вып. 1. М., 1998. С. 4–6.
- Шихсаидов* 1999 – *Шихсаидов А.Р.* Ислам в Дагестане // *Центральная Азия и Кавказ.* 1999. № 4–5. С. 109–115.
- Colonna* 1987 – *Colonna F.* Critique de l'orientalisme ou critique du scripturalisme? // *Eadem. Savants paysants.* Alger, 1987.
- DeWeese* 2002 – *DeWeese D.* Islam and the Legacy of Sovietology. A Review Essay on Yaacov Ro'i's "Islam in the Soviet Union" // *Jour. of Islamic Studies.* 2002. Vol. 13. № 3. P. 298–330.
- Makarov* 1998 – *Makarov D.* Enacting Sharia Courts in a Daghestani Village // *ISIM Newsletter.* 1998. № 1. P. 19.
- Said* 2003 – *Said E.W.* Orientalism. L., 2003.
- Zelkina* 2000 – *Zelkina A.* In Quest for God and Freedom. Sufi Responses to the Russian Advance in the North Caucasus. L., 2000.